

Отзыв официального оппонента на диссертацию Александры Николаевны Терехиной

«Кочевая школа в современной системе образования для народов Севера РФ:
концепции, дискурсы и практики».

представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.07 - этнография, этнология и антропология

Диссертационное исследование А. Н. Терехиной посвящено кочевому образованию в России. Автор ставит перед собой следующие задачи: во-первых, дать максимально полный обзор существующих на сегодняшний момент в России вариантов кочевого образования, включив их в исторический российский и мировой контекст. Во-вторых, произвести анализ дискурсов, касающихся российского кочевого образования, которые производятся разными группами заинтересованных лиц, сопоставить эти дискурсы как между собою, так и с реально существующими практиками кочевого обучения. В-третьих, дать как можно более полное описание практик непосредственного взаимодействия кочующих образовательных учреждений с повседневной жизнью обслуживаемого ими населения и проанализировать это взаимодействие.

Центральный нерв работы - анализ столкновения позиций и интенций разных групп, втянутых в отношения по поводу образования для детей современных северных кочевников, и описание возникающих в результате этого взаимодействия практик и эффектов.

Изучение взаимодействия систем формального образования с культурой коренных народов имеет богатую международную традицию, однако, хотя само кочевое образование «возродилось» в России уже почти тридцать лет назад, его комплексного антропологического описания до сих пор не существует. Диссертационная работа А. Н. Терехиной призвана как лакуну восполнить и поэтому выбранная диссертанткой тема, бесспорно, является актуальной: это первое современное антропологическое исследование, где настолько подробно и полно, на материале, охватывающем практически все регионы проживания КМНС, анализируется феномен современного кочевого образования. Поскольку в регионах Севера и Сибири современные идеи кочевого образования регулярно приводят к горячим общественным дискуссиям, то диссертация может рассматриваться как вклад научного сообщества в это обсуждение. Работа имеет большую общественную значимость еще и потому, что диссертантка не только обобщает опыт существующих кочевых образовательных учреждений, но и анализирует оптику, в которой государство видит своих кочующих граждан, и механизмы, при помощи которых оно с ними взаимодействует.

Новизна диссертационной работы обусловлена как комплексным подходом к теме, так и богатым эмпирическим материалом. Автор опирается на огромный опыт и разнообразные данные, собранные в разных регионах проживания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России в ходе многолетней работы над темой. Исследования проходили в 2009–2013 гг. и в 2015–2017 гг., общая длительность полевой работы Александры Николаевны составляет 23 месяца (из которых год она непосредственно кочевала вместе с ямальскими ненцами). Диссертантка проводила наблюдение, включаясь в жизнь сообщества с самых разных позиций, например, кочевого учителя, сотрудника департамента образования или антрополога, проводящего исследования, такой методологический прием позволил ей значительно расширить диапазон доступных ей точек зрения. Богатый полевой опыт и тесное включение в жизнь

сообществ дали возможность диссертантке собрать действительно уникальный по своей полноте и разнообразию материал, и позволяющий максимально полно описать и проанализировать феномен кочевого образования.

Работа состоит из трех глав, введения, заключения и приложений. Такое построение текста вполне оправдано задачами исследования. Первая глава дает краткое описание истории идей и практик кочевого образования в нашей стране и бегло описывает существующие в мире практики и модели образования для коренных народов, в первую очередь те, в которых используются мобильные школы. Эта часть работы позволяет поместить современные российские кочевые школы в исторический и международный контекст, позволяя увидеть, как сходства современной российской ситуации с другими, так и ее отличительные черты.

Другая важная часть первой главы посвящена анализу самого термина «кочевая школа» и тем реалиям, которые могут скрываться сегодня в нашей стране за этим обозначением. Автор приводит данные о количестве «кочевых школ», описывает существующих сегодня в России модели этих учреждений, анализирует их различные характеристики и создает их классификации, позволяющие понять их особенности. В результате проделанной Александрой Николаевной работы, становится очевидно, насколько смутным до этого времени и у исследователей, и у российского общества было представление о том, чем являются «кочевые школы» в реальности. Как показал анализ диссертантки, 22 из 35 действующих в России кочевых школ на самом деле стационарны, то есть вообще никогда не кочуют. Кроме того, 23 заведения из этих 35 не дают школьного образования (там либо дошкольное, либо внешкольное обучение). Таким образом, из более, чем трех десятков кочевых школ, существующих в нашей стране, только четыре реально кочуют и ставят своей целью обучать детей по школьной программе. То есть оказалось, как формулирует это автор: «большая часть кочевых школ и не «кочевые», и не «школы», что и вызывает регулярно общественный диссонанс и недопонимание».

Но почему же тогда и старые и новые образовательные учреждения продолжают называться именно «кочевыми школами», а связанные с просвещением чиновники всех уровней, твердят о необходимости кочевого образования? Именно этот зазор между активным использованием популярного (и одновременно вызывающего споры на местах) термина «кочевая школа» и реальными образовательными практиками, которые он обозначает, становится для диссертантки отправной точкой для дальнейшего анализа. Изучению дискурсов о кочевых школах, выявлению социальных групп, которые за этими дискурсами стоят, тех следствий, которые порождает использование этих дискурсов, а также сопоставлению всего этого материала с теми практиками, которые имеются в реальности и наблюдались Александрой Николаевной в поле, посвящена вторая глава диссертации. Эта часть работы несомненная и блестящая удача диссертантки. В данной главе автор анализирует истоки современного официального дискурса о кочевом образовании, наглядно демонстрирует, как власти Ямала заимствовали его из Якутии. Причем заимствовали без какой-либо серьезной адаптации к локальной специфике, хотя ситуации с распространением кочевания и оленеводством в этих регионах серьезно отличаются, а значит и цели, которые должно было бы решать кочевое образование, на Ямале должны бы быть иными, чем в Якутии. Автор убедительно показывает, что для правительства округа проект кочевого образования используется во многом как «экзотический козырь», который разыгрывается на разных уровнях. На федеральном уровне, привлекает внимание медиа и позволяет проявить законодательную активность. На международном уровне проект кочевого образования символизирует включенность России в целом и Ямала в частности в

повестку, связанную с правами коренных народов, которые нужно защищать от губительного воздействия глобализации. Создание в регионе интенсивного промышленного освоения особой формы образования для детей кочевников, учитывающей особенности традиционного образа жизни их родителей, - «конъюнктурно привлекательный сюжет», который призван поддержать положительный имидж нашей страны на международной арене. Таким образом, как показывает диссертант, кочевое образование превращается в «бренд» и используется властями разного уровня для достижения совершенно иных, чем образование целей. Автор сравнивает задачи, декларируемые официальным дискурсом о кочевом образовании, с теми задачами, которые образование должно решить по мнению современных родителей-кочевников, и убедительно показывает насколько они мало связаны друг с другом. Ямальские кочевники, сохранившие и родной язык и оленеводство, совершенно не ждут, чтобы школа «возрождала» традиционный образ жизни, а хотят, чтобы их дети получили качественное образование. В отличие от родившихся снизу среди родителей и учителей педагогических новаций конца 1980-х начала 1990-х, идея создать кочевые школы была спущена сверху из округа. Тундровикам и работникам на местах ее пытаются навязать, а те, не имея возможности прямо отказаться, в большинстве случаев порождают фиктивную активность. Александра Николаевна подробно и тщательно разбирает всю пирамиду манипуляций с кочевым образованием, демонстрируя каким образом в ней оказываются задействованы разные уровни федеральный, окружной и местный. Автор показывает в частности, как региональный уровень собирает данные, отчеты, фотографии и другой презентационный материал с муниципальных управлений образования, которым приходится создавать отчеты, требуя результаты от детских садов и школ-интернатов в поселках. И это при том, что на низовом уровне сложно найти как педагогов, готовых работать в кочевых заведениях, так и родителей, которые бы хотели, чтобы в их стойбище что-то подобное было организовано. Конкретные учебные заведения, на которые «легла основная организационная ноша ямальского бренда, вынуждены находить возможности для открытия настоящих или фиктивных кочевых групп и посылать отчеты своему начальству». Описание работы этой вертикали по манипуляции с кочевым образованием, позиций, интересов и целей каждого из ее участников – одно из бесспорных достижений диссертации. В этой же главе автор изучает существующие на Ямале споры о кочевом образовании, выявляет, обсуждает и классифицирует «стейкхолдеров» этих дискуссий. Кроме того, диссертант производит критический анализ современных педагогических и административных практик в сфере образования, демонстрирует огромный разрыв между дискурсивно создаваемым образом кочевой школы и реальностью и убедительно показывает, насколько сами дети-кочевников и их образовательные интересы и трудности мало интересуют создателей проектов кочевого образования. Например, власти округа, вкладывая значительные ресурсы в развитие новой и маловостребованной, но медийно и политически привлекательной формы обучения, предпочитают не замечать, что из-за произошедшей сверху отмены системы нулевых классов, произошел сбой в хоть как-то налаженной системе адаптации тундровиков к школе. В результате нынешние первоклассники монолингвы вновь оказались отброшены к ситуации конца 1950-х, когда обучение сразу начинается на языке, которого дети не знают. Другой пример, касается зарплат педагогов: из-за того, что в реальности существующее кочевое образование работает с дошкольниками, а нормативная база разработана для школьного звена, в ней забыли предусмотреть «кочевого воспитателя» и в результате те педагоги, которые реально трудятся в тундре, до недавнего времени не могли получать надбавку за разъездной характер работы (с. 195). Все эти примеры убедительно показывают, насколько

администрации разного уровня на самом деле не заинтересованы в качественном обучении детей-тундровиков, и продвигая идею кочевого образования, преследуют совершенно иные цели. Как пишет автор: «Кочевая школа как пиар-проект живет отдельной жизнью, параллельно с реальной работой кочевых учебных заведений». И дальше «журналисты, например, на Ямале с гораздо большим интересом пишут о кочевом образовании, чем о проблематике школ-интернатов, хотя школы-интернаты являются единственной формой среднего школьного образования для кочевого населения, в то время как кочевым образованием охвачено лишь небольшое число детей».

Задача третьей главы – дать насыщенное описание повседневности, которая возникает на пересечении кочевой школы и рутинной жизни кочующего стойбища. Эта глава насыщена деталями, наблюдениями и, размышлениями. Именно здесь нашел свое место весь тот богатейший этнографический материал, касающийся работы реально кочующих школ, который был так кропотливо собран диссертанткой во время ее продолжительной полевой работы. Помимо анализа особенностей работы учебного заведения в кочующем стойбище, его темпоральности и материальности, автор дает в этой главе подробное описание деталей различных сторон жизни одной из локальных групп ямальских ненцев. Текст этой части работы находится в постоянном диалоге вопросами и наблюдениями, сделанными другими исследователями, занимавшимися Ямалом. Описания и анализ, профессионально выполненные Александрой Николаевной, тем более ценны, что были получены во время года включенного наблюдения в жизнь стойбища, причем в такой период, когда изменения в жизни тундровиков, вызванные промышленным освоением Ямала, усугубились сильнейшим падежом оленей. Все вместе это не могло не наложить отпечаток на ощущение людей в тундре и на их размышления о своем будущем и будущем своих детей, а такие размышления почти всегда тем или иным способом влияют на позицию людей в отношении образования их детей.

Представленная диссертационная работа представляет интерес не только для тех исследователей, кто изучает взаимодействие групп коренного населения с системами формального школьного образования, но и многих других. Изложенный в работе анализ несомненно важен, например, для тех, кто занимается антропологией государства и бюрократии, участвует в дискуссии о международным правовым положением коренных народов, и конечно же для тех коллег, кого интересует антропология и этнография современного Ямала.

Можно порекомендовать автору обратить дополнительное внимание на некоторое типологическое отличие современной ситуации в области образования от советской: патернализм, с которым проводится сегодняшняя государственная образовательная политика на Ямале, представление о том, что власти лучше знают, что нужно коренным жителям и их детям, отводя кочевникам положение исключительно объекта, по сути является продолжением такой же советской политики (о чем автор пишет), но вот стоящие за этой политикой идеи кардинально поменялись в годы Перестройки. Вся советская деятельность была направлена на покорение природы Севера, модернизацию жизни коренных народов, кочевой образ жизни объявлялся отсталым, культуре требовалось «развитие». Сегодняшняя же политика, по крайней мере дискурсивно, базируется на диаметрально противоположных «охранительных» идеях: теперь важно сохранять и возрождать традиционные культуры и беречь «хрупкую природу Арктики»; т. е. теперь кочевой образ жизни, родные языки и «вековая мудрость народа» - ценности, которые нужно «защищать» и более того «возрождать», пусть даже и там, где вообще-то ничего не утратилось и без какой-либо оглядки на мнения и желания самих подзащитных. Такая

позиция не является спецификой Ямала, она свойственна всем отношениям государства с коренными народами в современной России. На мой взгляд, учет этого поворота позволит сделать анализ, произведенный во второй главе, еще более тонким и нюансированным.

Кроме того, в первой главе диссертантка делает важное наблюдение: в большинстве известных нам случаев кочевое образование возникает/возникло для групп, еще не охваченных школьным обучением, его задача сделать доступным для детей базовые знания. В современной же России кочевые школы создаются для тех групп, которые уже на протяжении нескольких поколений имели доступ не только что к начальному, но и полному среднему школьному образованию. В этом заключается главное типологическое отличие российской ситуации. К сожалению, этот важнейший вывод, сделанный диссертанткой, не попал в заключение работы, что несколько досадно.

В третьей главе проведен замечательный анализ трудностей с которым сталкиваются кочевые сады при организации работы на стойбище, высказываются мысли о том, как эти трудности можно преодолеть. Диссертантка обосновывает, что из всех кочевых форм образования ямальским ненцам могли бы подойти именно дошкольные учреждения (т.е. кочевые детские сады), она показывает какие объективно существующие сегодня сложности в образовании детей-кочевников они могли бы решить, но не приводит никаких данных о том, насколько сегодня сами современные кочевники заинтересованы в создании таких учреждений, насколько они считают необходимым делегировать «уход и присмотр» специальному воспитателю, и насколько осознают нужду в «дошкольном образовании» своих детей. Возможно, гуманистическая позиция автора заключается в том, что можно было бы создать несколько успешных детских садов, работа которых бы постепенно могла бы убедить родителей, что предоставляемые кочевыми садиками услуги и опции, им нужны и удобны, и они бы сами захотели распространить эту форму и на свои стойбища? К сожалению, в работе это не освещается.

Возможно, для уточнения специфики положения и практик, характерных для кочевого учителя, имело бы смысл сопоставить его с фигурой разъездного фельдшера, существующего на Ямале уже довольно давно. Такое сопоставление, возможно, помогло бы оттенить особенности статуса учителя и отношения к нему.

И еще одно мелкое замечание, касающееся оформления ссылок на литературу. В большинстве случаев автор использует постраничные сноски, но иногда почему-то дает ссылки в тексте в скобках (см. напр. стр.34). При переработке текста диссертации в будущие публикации эту практику стоит унифицировать.

Все приведенные выше замечания и соображения носят не принципиальный, а рекомендательный характер. Подводя общий итог необходимо заключить, что диссертация А. Н. Терехиной представляет собой самостоятельное научное исследование, выполненное на актуальную тему. Выдвинутые и рассмотренные в ней положения обоснованы, поставленные задачи решены, а новые научные результаты, полученные диссертантом, имеют существенное значение для российской антропологии, сама диссертация является законченной научно-квалификационной работой.

Основные положения и выводы многолетнего труда Александры Николаевны Терехиной представлены в 13 статьях (из них 8 в журналах базы Scopus и 4 – Web of Science), в том числе 8 в изданиях, рекомендованных Всероссийской аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ. Также диссертантка выступила соавтором в трех коллективных монографиях. Результаты исследования прошли апробацию в ходе

целого ряда научных мероприятий. Содержание диссертации полно и отчетливо представлено в автореферате работы.

Диссертационное исследование Александры Николаевны Терехиной «Кочевая школа в современной системе образования для народов Севера РФ: концепции, дискурсы и практики» отвечает квалификационным требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, представленным на соискание ученой степени кандидата исторических наук и соответствует пп. 9-14 Положения ВАК РФ о порядке присуждения ученых степеней (утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842), а ее автор заслуживает присвоения ученой степени кандидата исторических наук по специальности «07.00.07 - этнография, этнология и антропология».

Официальный оппонент:

кандидат исторических наук,
научный сотрудник Центра социальных исследований Арктики
Европейского Университета в Санкт-Петербурге

Ля

Елена Владимировна Лярская

5.12.2021 Профессор Лярская Е.В. заверяю

Специальное мнение эксперта Лярская Е.В.

